

«Дело» о настоящем кавалере

«От Героев былых времен не осталось порой имен...».

Эти строчки из известной песни в полной мере можно отнести к героям Первой мировой войны – самой неизвестной для нас войны, самой оболганной и осмеянной. А ведь современники и участники этой многолетней кровавой бойни уже тогда назвали эту войну «Великой Отечественной».

И хотя России война эта была не нужна, но она стала действительно великой отечественной, т.к. в конечном итоге 12 миллионов россиян воевали за территориальную

целостность своей Родины. За героизм и мужество, только к Знаку отличия Военного Ордена (солдатскому Георгиевскому кресту) 4 степени было представлено около 1,2 миллиона солдат и офицеров! Простыми энтузиастами разыскиваются данные на героев, печатаются списки Георгиевских кавалеров. Но до сих пор, ни в одном справочнике нет сведений о нашем земляке, кавалере всех четырех степеней Георгиевского креста, И.П.Баранове. Думается, что приведенный ниже материалы устранил этот пробел.

В начале Первой мировой войны, члены специальной комиссии выезжали в действующую армию, где узнавали о георгиевских кавалерах, по возможности их фотографировали. Предполагалось, что впоследствии будут сделаны художественные портреты героев и помещены в Портретной Галерее Георгиевских кавалеров Музея истории русских войн, сооружаемого в парке Царского Села. Комиссия издавала брошюры «Герои и трофеи Великой Войны», Георгиевские таблицы-памятки и рассылала их по всей России, в том числе родителям и семье георгиевского кавалера на его родину, в полк, где он служил, в учебные заведения, музеи, библиотеки: «ДАБЫ ПОДВИГИ ЭТИХ ГЕРОЕВ СДЕЛАЛИСЬ ДОСТОЯНИЕМ ВСЕГО РУССКОГО НАРОДА, НЕ ИСЧЕЗЛИ БЕЗВОЗВРАТНО ДЛЯ ПОТОМСТВА И НЕ БЫЛИ БЕЗВЕСТНЫ СОРОДИЧАМ И ОДНОСЕЛЬЧАНАМ НАШИХ ЧУДО-БОГАТЫРЕЙ». Революция прервала осуществление задуманного. Герои «старой» России стали не нужны России «новой» - ее история писалась заново, без исторической преемственности. Ношение Георгиевских крестов не запрещалось, но и совсем не приветствовалось – ведь награды-то «царские». К тому же вид крестов на груди героя всегда невольно наводил на мысль о величии и мощи Российской империи, что для строителей коммунизма было идеологически очень вредно. С другой стороны, отмеченные крестами подвиги «за Веру, Царя и Отечество» вызывали подозрительность и недоверие новой власти, что было не безопасно и для самого героя.

Только в 1941 году, когда стало совсем тяжело и германские войска встали у Москвы, страна впервые услышала призывы Великого Вождя вспомнить имена героев-полководцев «бывшей» России, историю военных побед, подвигов солдат и офицеров. Вот тогда, в окопах, на гимнастерках бойцов, под советскими медалями и орденами, скупое заблестело серебро и золото Георгиевских крестов. Дело дошло до того, что в апреле 1944 году вышел проект Постановления СНК СССР следующего содержания: « В целях создания преемственности боевых традиций русских воинов и воздания должного уважения героям, громивших немецких империалистов в войну 1914—1917 гг., СНК СССР постановляет:

1. Приравнять бывших георгиевских кавалеров, получивших Георгиевские кресты за боевые подвиги, совершенные в боях против немцев в войну 1914—17 гг., к кавалерам ордена Славы со всеми вытекающими из этого льготами...». Но данный проект не был подписан и реальным постановлением так никогда и не стал. Какие там еще Георгиевские кавалеры в 1944 году? Кремль был спокоен, а весь мир уже видел, что русские, наконец-то, «запрягли» и «тронулись». И значит «поедут», как водится, очень быстро. Со вторым бы фронтом в Европе успеть! Обращаться к героям прошлого вновь стало ненужно.

И только полвека спустя, забытые герои Великой войны стали вновь обретать свои имена.

Осколки

Эта история началась еще в 1980-х, когда на глаза попала старинная фотография храброго молодца-военного с Георгиевскими крестами

Во-первых, вызвала удивление форма солдата. Сапоги высокие, но не кавалерийские. Зато присутствует шашка, и головной убор похож на папаху. Ремень без пряжки – нет эмблемы. Погоны фельдфебельские, без номеров полка и вензелей. На груди солдата, слева от медали «За храбрость» - значок. Что он обозначает? Принадлежность к какой-то части или знак отличия?

Достоверно можно было сказать только одно – фото сделано в Нижней Туре, в салоне Н.Лагунова, не позднее 1918 года. Согласно надписи, на фотографии был изображен полный Георгиевский кавалер фельдфебель Баранов И.П. И всё.

Прошло 20 лет.

В стране растёт и растёт интерес к историческому прошлому. Стали широко публиковаться закрытые архивные документы по Первой мировой и Гражданской войнам. Образ земляка, бравого красавца с «полным бантом» крестов основательно врезался в память, стал почти «эталонным» образом Георгиевского кавалера. Если появлялась возможность, просматривались материалы по Георгиевским кавалерам – архивные фото и документы, именные списки.

Вот появились данные о другом полном кавалере, - нижнетуринце И.Г.Шубине. Опубликованы фрагменты его воспоминаний, в которых герой упоминает своего «друга, полного кавалера Ивана Петровича Баранова». И снова, больше ничего – ни части, ни боевого пути и подвигов Баранова. Пришлось разыскать дочь Ивана Петровича. На вопрос, знает ли она, за что получил кресты её отец, последовал ответ: «Папа никогда об этом не говорил. Да мы и не спрашивали, не интересовались». Ответ был исчерпывающий, и от этого становилось ещё досаднее. Если близкие родственники не знают, то кто же знает?

Кое-кто знал. Но знал Баранова как человека и специалиста. Вспоминает В.П.Ш[...]в:

"В 1958 году, когда я в Туру приехал, Баранов уже на пенсии был. Я его знал. Видный был старик, осанистый. Он большим специалистом по строительству считался и сметчиком опытным. Большим уважением в Туре пользовался. Как иду из завода в обеденный перерыв мимо дома, где Барановы жили, так часто с Иваном Петровичем останавливался поговорить. Когда он о проблеме какой-нибудь рассказывал, то поговорка у него интересная была: «Это гиблое дело – мировой скандал». Слышал я, что он в Первой мировой участвовал, но что б такой Герой...! Вот тебе и «гиблое дело»" !.

В Нижнетуринском заводе в двадцатых годах, Баранов работал плотинным мастером.

Должность, совмещавшая обязанности главного механика и строителя, была ответственной – ведь главное водяное колесо с приводами являлось сердцем завода. Затем работал начальником строительного цеха завода. Реконструировал плотину. А ведь тут нужны специальные гидротехнические познания. Где он учился строительной специальности? Где приобрел опыт?

Вспоминает В.А.С[...]н, 1908г.р.:

« Собирают нас в заводе. С каждым индивидуально беседуют, кто за снос церкви. Вызывают меня, спрашивают. А что скажешь? Вон ведь лозунг: «Кто не с нами, тот против нас». Сразу запямят, куда Макар телят не гонял.

Отвечаю: «Мне она (церковь) не мешает. Да, я её и не строил, чтобы ломать».

Отпустили.

Ну, думаю, - всё равно не дадут в заводе работать после этого.

И точно. На следующий день – вызывают сразу в ГПУ. Прихожу, а за столом в кабинете сам начальник Милованов сидит, смотрит в упор и молчит. Потом достает из кобуры пистолет, перед собой на стол кладет и говорит: «Ну что, контра? За саботаж, сволочь, взялся?»

Оправдываюсь, что дескать, и брат у меня, и отец - все в заводе робят рабочими. Какая ж я «контра»? Бог миловал,- отпустили меня.

А в этот же день собрание. Вопрос о сносе церкви уже решен. Вот председательствующий встает и говорит: «Ну, я думаю, тут вопроса быть не может, кто ломать будет. Баранов у нас строитель известный и грамотный, авторитет большой имеет. Предлагаю, его и назначить ответственным за снос. Иван Петрович, покажи пример. Когда приступишь?».

А тут Баранов встает и при всех говорит, что церковь он ломать не станет. Зашумели сразу все. А я конца собрания дожидаться не стал, домой побежал. Котомку собрал, с матерью простился и вечером того же дня из Туры на Ис подался».

Какую же надо было иметь смелость, чтобы не в кабинете перед «органами» отказываться, придумывая лукавые причины, а заявить такое во всеулышание. Это в те то годы, «когда срока огромные брели в этапы длинные». Но полному Георгиевскому кавалеру, много раз смотрящему в глаза смерти, очевидно храбрости было не занимать.

И, как представляется, совести тоже. В самом высоком смысле.

А как же в обыденности, в жизни?

Вспоминает Р.П.Т[...]а, 1907г.р.:

«В заводе ГПУ с Первым отделом день и ночь работали. Проверки, дознания. Выясняли, кто как к власти относится. Вредителей искали. Правду тогда говорили, что и у стен уши есть. Маленько лишнее недовольство какое выскажешь – тут тебе срок и припаяют. Тихо ползли слухи, что кое-кого в органы вызывают – осведомителями заставляют стать».

Однажды папка с работы домой идет, в гору к Сталинской улице поднимается, а у своего дома, у ворот Баранов стоит. Подошел, разговорились - то, да сё. Баранов-то и говорит: «Вечером может сегодня-завтра соседка Т. к вам зайдет, так много с ней языком-то не болтайте».

Вечером точно, зашла Т. И давай на жизнь жаловаться, что всё хуже и хуже становится. И про Германию, и про Молотова. А раньше у неё, старухи, такие речи и не услышишь никогда.

Наверное, Иван Петрович не одних нас так уберег. А ведь случись что, так у него самого семья немаленькая бы осиротела. Видно совесть большая у человека была».

Кто-то сказал, что с совестью человек – при любом строе и при любой власти остается Человеком. Но нашлась бы душонка подленькая – и никакие заслуги бы не помогли Ивану Петровичу, и авторитет бы не помог. Не мог не понимать этого Баранов. Понимал – но совесть заставляла идти на риск. Как когда-то, заставляла побороть страх и подниматься из окопа под пулями, еще в «той империалистической» войне за свою страну. Это и есть она - настоящая отвага.

Вспоминает А.И.Л[...]а, 1943г.р.:

«Самого Баранова и жену его, я хорошо помню. Родители наши, с ними как бы в приятельских отношениях состояли. В нашем доме они и в гостях бывали. Иван Петрович был очень высокого роста, а уж голос – с таким баритоном хоть на сцену, в Большой театр. Говорил неторопливо, веско, свысока.

Казалось бы, тоже он из Туры – свой, из простой семьи. А вот был он, как не нашего круга. Находясь рядом с ним, чувствовалось какое-то неравенство. Было ощущение его превосходства. И перешагнуть эту невидимую границу и сблизить дистанцию не хватало решимости. Нам казалось, что какая-то важность в манерах у него была, вальяжность что ли. Многие, наверное, считали его высокомерным, может быть и гордым.

А мне кажется, что цену он себе знал. Просто большое чувство собственного достоинства имел человек».

Откуда у него это? Где же носила фельдфебеля армейская и боевая судьба? Что же, может и жил Баранов с достоинством и честью, как настоящий Георгиевский кавалер. Именно так жил, как в императорской России и полагалось жить офицерам: «Честь имею». Ведь с «Георгием» 1-ой степени, всегда присваивался младший офицерский чин подпрапорщика.

Вспоминает Е.П.З[...]а, 1895г.р.:

«Помню, пошли мы с матерью на Нижне-Церковную улицу, к Барановым. В дом заходим, а в комнате накурено. За столом господа военные всё сидят, в погонах. Карточная игра идет. Молодой- то Баранов, только с фронта вернулся. Высокий, да в форме военной – уж такой красавец! А грудь-то вся в крестах!»

Жаль, что рассказчица не могла вспомнить год. Вероятно, тогда и была сделана известная фотография.

Вот, пожалуй, и все немногочисленные осколки памяти. Но и они, сложенные воедино, ярко отражают образ и характер этого человека.

Под крыльями двуглавого орла

Прошло еще лет семь.

Времена круто менялись, но, несмотря на массу публикаций уральских историков и краеведов фамилия Баранова так нигде и не упоминалась. Как будто и не было такого Георгиевского кавалера. А может и в правду, не было? Вот ведь, к примеру, всем известный легендарный В.И.Чапаев, оказывается, никогда не был полным кавалером, а имел только три креста. Именно так говорят архивные материалы. Но с Чапаевым все честно – ни на одной фотографии, легенду Гражданской войны Вы не увидите с четырьмя Георгиевскими крестами.

А с Семеном Михайловичем Буденным вообще интересно получилось. Историки и фалеристы – коллекционеры по наградам, очень плотно занялись исследованиями Георгиевских крестов на мундире маршала, находящемся в одном из московских музеев. И оказалось, что вместо крестов-то - копии!

Известный специалист по российской наградной системе В.А. Дуров в своем труде пишет, что экспонирующиеся в Центральном музее Вооруженных Сил Георгиевские награды Буденного не те, что он получил. Чужие стало быть, ему не принадлежащие. Ведь проверить легко – каждый крест номерной.

Защитники чести Буденного объяснили это тем, что настоящие кресты были утеряны в период Гражданской войны, но неумные искатели правды обратились в Российский военно-исторический архив и, тщательнейшим образом изучив массу документов, заявили, что награждался-то Буденный всего два раза и оба раза Георгием 4-й степени. Первой награды он был лишен по суду, за драку с вахмистром (именно только суд мог лишить кавалера права на ношение креста, согласно статуту Знака отличия Военного Ордена), а затем был снова представлен за подвиги к кресту 4-й степени. Но основной аргумент защитников С.Буденного – это знаменитое, сильно ретушированное, фото, вошедшее во многие книги о маршале-легенде и датированное 1915 годом. На этой фотографии будущий маршал запечатлён не только с четырьмя Георгиевскими крестами, но и с медалями «За храбрость» всех четырех степеней, да ещё и с аксельбантом!

А ведь аксельбант полагался только генералам, офицерам, фельдъегерям, жандармам, но никак не драгунскому унтер-офицеру. Кроме этого, исследователям широко известно ещё одно фото 1915 года, где Буденный изображен лишь с одним «Георгием». Как же так? Получается, что менее чем за один год, Буденный получил 4 медали за храбрость и ещё три георгиевских креста. Не много ли? Похоже, что исследователь А.Кузнецов был прав, когда сделал вывод: «Знаете, на базаре бывает нарисован герой-всадник с дыркой вместо головы? Человек просовывает в эту дыру голову, и его фотографируют. Так, видимо, было и здесь. Пришел молодец к фотографу — ему на грудь полный Георгиевский бант, и готово дело. Можно послать фотографию родственникам в деревню».

Но никто не будет спорить, что оба – и Чапаев, и Буденный были люди потрясающей отваги и храбрости. Но и они, как выясняется, не были полными кавалерами. А вот Баранов - полный кавалер!

Но ведь есть еще и его «друг» - Иван Григорьевич Шубин – тоже нижнетуринец и тоже полный Георгиевский кавалер. Все четыре креста, действительно выданы Шубину – это подтверждено сохранившимися архивными данными. Не много ли героев для маленького заводского поселка? Может кресты Баранова «на базаре куплены»? В деле с Барановым утешало одно – фото не декорация, а сделано именно в Нижней Туре. Но полностью сомнения могло исключить только подтверждение Российским государственным военно-историческим архивом фактов вручения номерных Георгиевских крестов И.П.Баранову. Именно в этом федеральном архиве хранятся данные (какие сохранились) по Георгиевским кавалерам Первой мировой войны. Но и в РГВИА до сих пор нет полной картотеки по кавалерам. Особенно о получении крестов в 1917 году. И чтобы найти награды героя сегодня, нужно просмотреть не десятки, а сотни документов. Именно поэтому, архив вообще не рассматривает запросы о награждениях без указания части или полка, где воевал герой. И так, оставался один шанс.

Нужно было точно, без ошибки определить род войск и часть, в составе которой воевал Иван Баранов. А это, можно сделать только очень хорошему, историку-специалисту по военной форме старой русской армии.

Благо, что такие специалисты нашлись, решившись по черно-белой фотографии установить интересующие данные. Выводы двух человек, взявшихся за помощь, почти совпали. По общему мнению, на фотографии был изображен подпрапорщик (значит все-таки все четыре креста заслужил Баранов!) в должности фельдфебеля Лейб-Гвардии Саперного батальона. Только один из экспертов все же высказал сомнение: «Набор таких [геройских] наград не характерен для сапера». Тем не менее, неизвестный значок на груди героя, при большом увеличении оказался «орлом, с опущенными крыльями». Так выглядел полковой знак именно гвардейского Саперного батальона.

В это было трудно верить. Наш земляк – в элитном инженерном подразделении русской армии! Русская Гвардия – какое это гордое и победное слово!

Лейб-гвардии Саперный батальон, даже среди гвардейских полков занимал весьма престижное место. В 1812 году, императором Александром I было повелено "из лучших людей и отличнейших офицеров 1-го и 2-го Пионерных полков" сформировать Лейб-Гвардии Саперный батальон на правах Старой Гвардии (т.е. приравнять к семеновцам, преображенцам, измайловцам и т.д.) в составе 2-х Минерных и 2-х Саперных рот. За свою историю, героизм батальона отмечен множеством высочайших наград, а именно: знамя

Георгиевское, с надписью: „За отличие при осаде, и взятии крепости Варны в 1828 г.", две Георгиевские трубы, с надписью: „За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 г.", знаки на головные уборы с надписью: „За Балканы в 1877 г. ".

Как известно полки императорской гвардии имели своими шефами Великих Князей, либо самого Императора.

С 1817 года, Саперный батальон имел шефом только Государя Императора, а наследники престола, начиная с Александра II, с момента рождения записывались в списки батальона, становясь, также по восшествии на престол, впоследствии его шефами. Именно в мундире, своего одного из любимых полков, Саперного батальона, от бомбы террориста погиб император Александр II.

Командирами же рот являлись Члены Августейшей Фамилии, либо князья и графы старейших родов.

Повелением Императора Николая I, в Петергофе в 1853 году, перед лагерем батальона был поставлен бронзовый орел на имевшейся там гранитной глыбе. Снизу помещена доска с надписью на ней; „Подвигам Лейб-Гвардии Саперного батальона“. 8 октября 1912 года учреждается в память 100-летия батальона нагрудный бронзовый знак для всех чинов батальона. Он представлял собой точную копию памятника подвигам лейб-гвардии Саперного батальона, который был перенесен ещё в 1899 году к входу в батальонную церковь Св. Козьмы и Дамиана, в Петербург, в район Саперного переулка, где находились казармы батальона.

Именно такой нагрудный бронзовый знак и украшает (на фотографии) грудь нашего земляка Ивана Петровича Баранова.

Это позволяло убеждаться, что поиск идет в нужном направлении и есть смысл запросить данные по Баранову в Москве, в Российском государственном военно-историческом архиве. А вдруг что-то найдется?

Осенью 2009 года запрос о Баранове был отправлен в Москву. Как известно, для быстрого и успешного поиска в заявлении должен содержаться максимум конкретики.

Питать особых надежд на архив все-таки не приходилось, - ведь до сих пор, как было уже сказано, несмотря на большую работу историков по выявлению в архивах Георгиевских кавалеров, имя Ивана Баранова так нигде и не «всплыло». Значит и в РГВИА, возможно, данных нет. Полнота и обстоятельность ответа зависят во многом также и от добросовестности исполнителя - работника архива, которому будет поручена эта работа. На поиск обычно отводится всего месяц. Кто занимался, тот знает, что это очень малый срок.

Для большей убедительности, что Иван Баранов – не семейная легенда или миф, была сделана копия известной фотографии кавалера и отправлена вместе с запросом о подтверждении наград.

Прошло недели три.

Однажды поздно вечером раздался телефонный звонок. Звонившая женщина представилась корреспондентом газеты «Известия».

Оказалось, что в редакции «Известий» есть специальный отдел, который готовит публикации в специальной исторической рубрике газеты и тесно сотрудничает с РГВИА.

И как стало понятно из разговора, во время последнего посещения архива для поиска фотодокументов (как раз готовился материал о героях Великой войны), моей собеседнице показали, недавно пришедшее с Урала, моё письмо и фотографию И. Баранова. Мастерство нижнетуринаского фотографа Лагунова и бравый георгиевский кавалер произвели большое впечатление не только на сотрудницу газеты, но и, с её слов, даже на выдавших виды работников архива.

Вопросы о Баранове следовали один за другим. Откуда он родом? Не казак ли? Какая у него судьба? Узнав, что он не казак, а сын заводского мастерового, мой интервьюер, кажется, был немного разочарован – слишком велик до сих пор ещё казачий «бум». Корреспондент не один раз переспросила название родины Георгиевского кавалера – Нижняя Тура. Такого города она не слышала. Естественно, что в Москве он известен не многим.

В заключении разговора, она попросила разрешить поместить фотографию Баранова в «Известиях», в одной из будущих статей о героях Первой мировой войны. Свою просьбу она объяснила так: «Это образцовый вид георгиевского героя. Он не только настоящий кавалер, но и импозантный мужчина»...

Почуввав разрешение на публикацию фото, корреспондент «Известий» заверила меня, что архив уже занялся поиском данных по моему запросу и обязательно должен их найти. Оставалось только ждать.

Ждать пришлось сравнительно долго. Наконец, длительная волокита по оплате архивных услуг закончена, и письмо из Москвы находится в руках. Обычная архивная справка - ответ лишь на половину листа, всего в нескольких строках. Но сколько скрыто информации между строк, для того, кто занимался не один год историей вопроса. Успех превзошел все ожидания.

Вот, он кто, Иван Баранов – «... сапер Его Величества Роты Лейб-Гвардии Саперного батальона...»!

Блеск Петербурга – кровь Сморгони

Именно теперь, располагая неопровержимыми архивными данными об армейском периоде жизни Ивана Петровича, вновь пришлось обратиться к его дочери, чтобы уже по наводящим вопросам, зная основные этапы воинского пути Баранова уточнить кое-какие факты его жизни.

Сохранилось множество воспоминаний бывших гвардейцев о регламентном приеме новобранцев в гвардейские полки, казарменной жизни, смотрах и парадах императорских гвардейских полков. Зато боевой путь Саперного батальона мало изучен из-за того, что гвардейские саперы, придавались различным армейским частям на протяжении всей войны в качестве инженеров-военспецов и поэтому некоторые периоды боевого пути Баранова И.П. с предельной точностью установить сложно. Но и те архивные сведения, которые находятся в распоряжении автора, позволяют снять почти все вопросы о нашем земляке.

В 1891 году, в семье выходца из Вятской губернии, мастерового-плотника Нижне-Туринаского завода Петра Александровича Баранова родился сын Иван. Дом Барановых находился по Нижне-Церковной улице. В заводском поселке, за вятским плотником прочно укоренилось прозвище «Петр Великий» – глава семейства Барановых имел рост под два метра.

Здесь же, по соседству жила семья Шубиных. Сын рабочего завода, Иван Шубин с

детских лет сдружился со своим тезкой, Иваном Барановым. Они, одногодки и впоследствии оба полные георгиевские кавалеры, пронесли эту дружбу через все испытания до самой смерти. И даже потрясения Гражданской войны не смогли её разорвать.

После окончания церковно-приходской школы, Иван Баранов работает на местном заводе. А по достижению 21 года призывается на военную службу.

В Кушве, воинский начальник, взглянув на высокого, ладного, чернявого, безусого новобранца, не колебался ни минуты: «В Гвардию, в Петербург!»

Так осенью 1912 года, со станции Гороблагодатская, поезд увозил Ивана Баранова на запад, в неизвестность на три года. И никто не предполагал, что срок этот растянется на долгие годы...

Поздней осенью того же 1912 года, оглушенные шумом и ослепленные блеском столицы, в сопровождении гвардейских унтер-офицеров и оркестра в парадной форме, десятки новобранцев со всей Российской Империи шли по улицам Петербурга из Михайловского манежа, чтобы через полгода предстать на смотре молодых солдат уже гусарами, уланами, гренадерами, саперами, егерями...

Из года в год, в Манеже, под командованием Великого Князя Николая Николаевича, проходила разбивка новобранцев по полкам. От каждого гвардейского полка присутствовал офицер и два унтер-офицера. Распределение по полкам вел сам Великий Князь, смотря по внешнему виду, какой новобранец к какому полку подходит. Рыжие и бородатые – в Лейб-Гвардии Московский полк, усатые брюнеты – в гусарские полки, блондины – в Семеновский, ярко выраженные курносые – в Павловский, высокие – в Кавалергардский, Преображенский или экипаж «Катера Его Величества», кавказцы – в Конвой Его Величества и т.д.

Если главнокомандующий Гвардией сомневался в выборе, то для этого случая в Манеже и находились унтер-офицеры в парадной форме от каждого полка, - так сказать «типаж и эталон» полка.

Великому Князю подавали мелок и он ставил на груди будущего гвардейца буквы или цифры полков, например: А- гвардейская артиллерия, 1С – первый гвардейский батальон Стрелковой бригады и т. д. Князь сопровождал рослый преображенец, который после определения новобранца к полку, выкрикивал громовым голосом: «Гренадер», «Кирасирский Его», «Кирасирский Ея», «Семеновский»..., и мгновенно, взяв новоиспеченного гвардейца за плечи, буквально швырял его к строю унтер-офицеров, где его уже принимал представитель «родного» полка.

Взглянув на рослого, безусого новобранца из Пермской губернии, Великий Князь надписал на груди букву «С».

Преображенец лихо выкрикнул: «Саперный» и в тот же момент, не поняв как, Баранов оказался уже в задней шеренге, рядом с гвардейским сапером.

Начиналась новая жизнь.

Лейб-Гвардии Саперный батальон состоял из четырех (1 и 2- Саперные, 3 - 4 Минерные), телеграфной роты, электроосветительной команды и полевого инженерного парка. Первая рота, в гвардейских полках, именовалась ротой Его Величества. Эта рота по всем

статьям должна была быть образцовой. Она являлась «лицом» полка в военно-технической и строевой подготовке.

Требования к гвардейским саперам были самые высокие. Не говоря уже о том, что все чины рот батальона должны были быть грамотными, включая ефрейторов и рядовых, все должны были пройти обучение в учебных командах и уметь размечать на местности фортификационные сооружения, знать их размеры и правила возведения, уметь наводить простейшие переправы через водные преграды, уметь обращаться со взрывчатыми и химическими веществами и средствами взрыва, полевыми электростанциями, имуществом связи. Преподавателями и командирами выступали офицеры-выпускники Николаевского Инженерного училища – высшей военно-инженерной школы России. Впоследствии именно Сапёрный батальон и офицерский корпус Николаевского училища стали тем зародышем, из которого родились инженерные войска Красной Армии, войска связи, первые авиационные и железнодорожные части.

Рядовые гвардейские сапёры, приданные в армейские части, считались на два чина выше армейских.

Так, например, старший унтер-офицер приравнивался к армейскому прапорщику (ст. лейтенанту) саперной роты.

Гвардейские саперы не должны были действовать в качестве простой рабочей силы, а должны были являться организаторами и руководителями инженерных работ. В качестве рабочей силы предполагалось привлекать местное население в рамках военно-трудовой повинности или пехотные подразделения.

Гвардейский рядовой сапер был обязан уметь организовать производство инженерных работ на местности, обучать солдат и унтер-офицеров пехоты производству простейших инженерных работ. А унтер-офицеры были обязаны уметь выступать советниками и консультантами пехотных офицеров в вопросах выполнения инженерных задач на местности. Не отсюда ли вынес И.Баранов тот «менторский» тон, который впоследствии и раздражал иногда его подчиненных? Не отсюда ли его неторопливость в принятии решений, которую в 1940-50гг., его сослуживцы по заводу воспринимали как нерешительность. Разве может сапёр ошибиться дважды?

Цена одной ошибки сапёра – собственная жизнь и жизни десятков или даже сотен солдат. Эту аксиому Баранов усвоил ещё тогда.

1912 год заканчивался в празднованиях 100-летия Саперного батальона. 1913 год начинался в преддверии торжеств по случаю трехсотлетия Дома Романовых. Почетные гости из Европы, парады, марши, смотры. Из лучших рот различных полков, сформирован Сводный полк, куда вошли и сапёры первой роты – Роты Его Величества. Для нижних рядовых чинов, служба в Гвардии была намного выгоднее службы в армейских частях в материальном плане: гвардеец получал вдвое большее жалование по сравнению с товарищем-армейцем, хорошо кормился (по гвардейскому обычаю, в солдатский котел шли добавления за счет ротных командиров), носил красивую форму. Кроме этого за каждый парад, смотр, учения и маневры в Высочайшем присутствии – все рядовые гвардейцы получали по рублю, младшие унтер-офицеры по 3рубля, старшие унтер-офицеры по 5рублей от Его Величества.

В середине лета начинались учения и манёвры. До поздней осени окрестности Петербурга, Красное Село, Гатчина и Царское Село слышали полковые марши попеременно с гвардейским «Журавлем» - куплетами, зачастую с ненормативной лексикой, написанными ещё Г.Державиным:

А не спеть ли нам, друзья, дружным хором Журавля.
Жура-жура-жура мой, журавушка молодой.
Начнем с первых мы полков – с кавалергардов индюков.
Кавалергарды-дудаки подпирают потолки.
Слуги первые Царя – молодцы лейб-егеря.
Кто в Европе первый лгун? – То Лейб-Гвардии драгун.
А кто первые вояки? – То Лейб-Гвардии казаки.
Кто в старушках знает толк? Кирасирский синий полк.
Кто там страшный поднял вой? Его Величества конвой.
А курносы как телята – это павловцы-ребята.
Носит грязное бельё - всё московское хамьё.
А семеновские рожки на кули овса похожи.
А какой полк самый? – То Лейб-Гвардии Финляндский.
Поиграть в картишки рада Гвардии Первая бригада.
Тащит ментик на базар – это Гродненский гусар.
Про Варшавцев не пою – портят Гвардию мою.....

О том, как служил Баранов и осваивал обязанности сапера, можно составить представление по двум архивным выпискам.

В списках нижних чинов Саперного батальона за 1913 год, «...научённых, на замену оставленных в г.Петербурге...», значится младший унтер-офицер Его Величества Роты Иван Петрович Баранов, «срока службы с 1912 года».

Вспоминает дочь И.П.Баранова:

«В доме у нас, я помню, фотография была. Надпись на ней – «Рота Его Величества. Лейб-Гвардии Саперный батальон. Петербург».

Рота Его Величества принимала участие в показательных парадах и смотрах гвардии, в караулах в Зимнем дворце и т.п. Ну, а Баранов, как только, вероятно, недавно «научённый» и получивший чин младшего унтер-офицера, отправлен из столицы (возможно на полевые учения).

По другому документу, в этом же 1913 году, сапёр Баранов значится в списках нижних чинов роты Его Величества, «...долженствующих исполнить обряд говения...». А ведь после поста, как известно, следовал приезд императора в казармы батальона, а далее смотр, высочайшее поздравление своей роты, праздничный обед. Только лучшие солдаты допускались к столь торжественному мероприятию. Очевидно, командование уже считало Баранова таковым.

Особы императорской фамилии и сам Государь, вообще часто посещали гвардейские полки. В полковой праздник Саперного батальона – день Св. Троицы, император прибывал в батальон. Устраивался смотр подразделения. Некоторые, уже престарелые полные георгиевские кавалеры ещё той русско-турецкой войны, сверхсрочно оставшиеся в батальоне, проживали в казармах батальона. Император знал их имена и имел обыкновение обращаться к ним по имени-отчеству.

По обычаю, командир Роты Его Величества и фельдфебель (старшина роты) удостоивались чести здороваться за руку с Императором.

И мог ли предполагать тогда наш земляк, младший унтер-офицер Баранов, что через три года именно он будет фельдфебелем одной из рот, но уже Лейб-Гвардии Саперного полка! С начала Великой войны Гвардия принимала участие во всех крупных сражениях. Лейб-Гвардии Саперный батальон (командир – свиты генерал-майор Подымов) в составе Гвардейского корпуса (командир – генерал от кавалерии Безобразов) участвовал боях при отеснении врага от Люблина до реки Сан и преследовании противника в Галиции до Колбушова (август-сентябрь 1914г.).

Огромную роль сыграли саперы при отходе русских частей к Сандомиру и форсировании Вислы (сентябрь-октябрь 1914г.). В этот период за мужество и отвагу, младший унтер-офицер И.П.Баранов награжден Георгиевским крестом 4й степени № 120484. Как гласил статут ордена: « Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; достаивается оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием...»

Представление к награждению подавалось командиром подразделения, после тщательнейшего изучения обстоятельств подвига и его результатов для общего успеха подразделения, соединения, армии, фронта. Георгиевский крест мог быть вручен в особых случаях командующим армией, фронтом, Главнокомандующим и самим Императором. В дальнейшей кампании 1914 года, Саперный батальон принимал участие при обороне крепости Ивангород (октябрь), при преследовании противника под Краков (ноябрь). Тяжелые аръергардные бои вел батальон при отходе к Кельцам в декабре 1914г. и обороне Ломжи (январь 1914г.).

В целом, на Юго-западном фронте в 1914 году, русским армиям сопутствовал успех. Однако гибель Второй армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии, свела на нет успехи в Южной Польше и Галиции. 1914 год не принес решающих результатов ни одной из сторон. Военные действия показали ошибочность предвоенных расчётов на кратковременный характер войны. За полгода были израсходованы накопленные запасы вооружения и боеприпасов. Уже в начале 1915 года русские войска стали испытывать снарядный голод.

Перспектива длительной войны не устраивала германское верховное командование, которое понимало, что Германия и её союзники не выдержат затяжной борьбы с державами Антанты, обладавшими превосходством в людских резервах и материальных ресурсах. Поэтому германский план кампании 1915 носил наступательный характер в расчёте на быстрый вывод из войны России.

Но зимой 1915 года в ходе Августовской операции, германским войскам не удалось окружить 10-ю армию Западного фронта русских, прикрывавшую направление на Минск. К тому же в Карпатах русские вновь добились значительных успехов - в марте капитулировал осажденный русскими войсками 120-тысячный австрийский гарнизон Перемышля. Тяжёлые бои в Карпатах продолжались до конца апреля.

Испытывая острый недостаток в вооружении и боеприпасах, русские войска в апреле прекратили активные действия на Южном фронте.

К лету 1915 германское командование из войск, переброшенных с Западного фронта, сформировало в Галиции 11-ю армию, которая вместе с 4-й австро-венгерской армией под общим командованием германского генерала А. Макензена в апреле-мае перешла в

наступление. Имея огромное превосходство в силах и средствах (особенно в артиллерии), противник прорвал оборону русских в районе Горлице. Горлицкая операция длилась 52 дня: с 19 апреля по 9 июня 1915 г. Это была одна из наиболее крупных оборонительных операций первой мировой войны. В результате германского прорыва, русские вынуждены были оставить и Галицию и Польшу. Стратегическое положение русских армий серьезно ухудшилось.

Саперный батальон прикрывая отход Гвардейского корпуса, с боями, укреплял через позицию, все отступные позиции от города Холма к крепости Брест-Литовск. Под Холмом, сдерживая натиск германских войск, батальону пришлось прорываться из окружения.

Как вспоминает помощник командира Саперного батальона полковник Г.Габаев, наиболее напряженной была работа и бои гвардейских сапёр у села Красностава, когда за 10 дней было построено 11 мостов через реку Вепрь:

«При начале самого боя, 14 июля, поспешив к ближайшей к противнику 2й саперной роте и узнав, что предмостное укрепление у д.Стенжице ещё не закончено, за неприбытием рабочих от пехоты, я вывел вторую сапёрную роту и под огнем закончил постройку и маскировку укрепления. Занявшая его 13я рота Измайловского полка понесла лишь самые незначительные потери.

Ввиду неясности, понадобятся ли эти два моста или нет, я не считал возможным сразу их взорвать, и вызвал охотников, желающих остаться со мной у мостов. Вся вторая рота, как один, шагнула вперед.

Роту я отпустил, оставив 11 подрывников с офицером, и мы три дня пробыли под интенсивным огнем, то снимая настил, то восстанавливая его по ходу боя, и ушли только по приказанию, взорвав мосты. За это все подрывники были награждены Георгиевскими крестами».

Высокой оценкой мужества гвардейских сапёр является тот факт, что в этот период в списки Лейб-Гвардии Сапёрного батальона записан наследник престола, цесаревич Алексей Николаевич.

От Брест-Литовска Лейб-Гвардии Сапёрный батальон спешным порядком по железной дороге прибыл в Вильну ночью 18 августа 1915 года. Ожидалось германское наступление. Штаб Людендорфа планировал осуществить глубокий прорыв русского Западного фронта на Минск, а навстречу двинуть группировку от Бреста. Тем самым осуществить идею «клещей», в которые попадут и будут разбиты русские войска 10й армии генерала Радкевича.

Участок для прорыва был выбран севернее Вильны, между Северным (Петроградское направление) и Западным (Минское направление) русскими фронтами. Наиболее подходящим и выгодным для наступательных действий немцев являлось направление на Сморгонь - Молодечно по водоразделам рек Виляя и Зап. Березина. На 30-километровом участке прорыва немцев соотношение сил было на их стороне - шесть пехотных и четыре кавалерийские дивизии против четырех кавалерийских дивизий и семи пехотных батальонов русских войск для прикрытия расходящихся фронтов. 10 сентября 1915 года в образовавшийся шестидесятикилометровый прорыв русского фронта вошел германский кавалерийский корпус, чтобы затем повернуть на юг, в направлении Свенцяны - Сморгонь - Молодечно, в тыл 10-й русской армии. С захватом Свенцяны германская кавалерия получила свободный путь для наступления на Сморгонь - Молодечно.

«С отчаянной решимостью, волей... и упорством», отмеченным в немецких мемуарах, сдерживая врага штыковыми контратаками, русские войска в порядке отходили по всему

фронту, но их положение становилось серьезным. Отступление проходило при постоянном соприкосновении с противником, артиллерийском обстреле и бомбежках с воздуха.

Ночью – отход, а под утро – возведение временных оборонительных сооружений. Далее – бой до вечера и ночью вновь – отход. От работы сапёр зависело сейчас очень многое, и сапёры были в самых жарких местах фронта, на переднем крае обороны. Оценивая обстановку, русская Ставка Верховного Командующего спешно формировала в тылу Вторую армию. Пехотные полки на запад шли суточными переходами по тридцать километров, кавалерия - по шестьдесят-семьдесят. А впереди ещё 100-120 км пути до Сморгони - порой по бездорожью лесов и болот.

Переправившись через р. Вилию, германские конные разъезды обстреляли из орудий станцию Сола, в 10 км западнее Сморгони. С этого момента полностью прекратилась подача боеприпасов по железной дороге на Вильну, где удерживали фронт двадцать три русские дивизии.

Казалось, что котел для русских войск неизбежен. Так считали и немцы. Они сняли действовавший против Вильны пехотный корпус и направили его на Сморгонь. Из перехваченных радиogramм немцы знали о том, что 2-я русская армия подходит в район Сморгонь - Молодечно, и торопились. Они непрерывно атаковали, пытаясь осуществить переправу и ударить в тыл русским войскам, сражавшимся у Вильны. Спешенная германская кавалерия уже заняла позиции на окраине Сморгони, а также предместное укрепление на р. Вили, в ожидании своей пехоты. До нее осталось всего 15 км. Но атаки немцев разбивались об упорную оборону русских. Гвардейский корпус 10-й армии, при поддержке 3го Сибирского почти без патронов, штыковыми контратаками сдерживали немецкие пехотные дивизии.

Лучшая германская пехота так и не подошла на помощь своей кавалерии. Мечта замкнуть «клещи» для русских армий растаяла как мираж.

Избегав окружения, в ночь с 22 на 23 сентября русские войска вновь начали отход на рубеж Сморгонь - Крево, а 24-го утром полки Гвардейского корпуса вошли в Сморгонь. Гвардейские саперы по одному взводу были приданы каждому полку. Отступление сопровождалось массовым исходом местного населения. Первую линию окопов отрыли западнее города - от реки Вилии до железной дороги. Почти две недели германские войска вели наступление на Сморгонь, чередуя атаки пехоты и массированный обстрел тяжелой артиллерией русских позиций. Никто не отдавал гвардейцам приказов «Стоять насмерть» и «Ни шагу назад». Но они выполнили эти приказы. И противник отдавал должное мужеству позже в мемуарах, восторженно отмечая, что русские бились без патронов, одними штыками. Один из немецких генералов отметил в своем дневнике: «Неожиданно должны были остановиться. Русские оказали упорное сопротивление, переходя в контратаки и бросаясь в штыки, - перед нами оказались полки Русской Гвардии».

В 200-300 шагах от первой была отрыта вторая линия окопов. Их лабиринты с каждым днем увеличивались, а качество оборонительных сооружений совершенствовалось. Возводились искусственные препятствия - «ежи», надолбы, «волчьи ямы». Строились убежища от артиллерийского огня - блиндажи в 4-8 бревенчатых накатов. Ходы сообщения тянулись в тыл на 3-5 км. Они были похожи на углубленные на три метра в землю пешеходные улицы шириной от трех до пяти метров, замаскированные сверху от германской авиации и аэростатов наблюдения.

В тылу сморгонских позиций, у деревни Белая, была оборудована вторая оборонительная линия окопов и траншей.

Лейб-гвардии Сапёрный батальон навел мост через реку Вилию и начал работы на третьей оборонительной позиции у Засковичей. Силами армейского и фронтового командования строилась четвертая линия обороны у Молодечно и пятая - у местечка Красное. Сюда были привлечены армейские инженерные рабочие дружины и инженерно-строительные дружины Земгора из расчета до 10000 рабочих и до 1000 подвод. Так начиналась героическая 810-дневная оборона Сморгони. Именно здесь под Сморгонью, впервые на русском фронте были применены отравляющие газы (как с германской, так и с русской сторон). Здесь, при первой газовой атаке немцев, полностью погибла 9я рота 334 Ирбитского полка.

Интересно отметить, что в этом полку, на Западном фронте воевал и Шубин И.Г. Как знать, может быть и, сводила плечом к плечу судьба, двух друзей-земляков там, в окопах Сморгони.

Итак, германские войска были остановлены.

В одном из приказов по 10й армии, командование благодарило сапёр за «блестящую работу». А в приказе №800 командующего армией генерала Е.А.Радкевича, отмечен «младший унтер-офицер Лейб-Гвардии Саперного батальона Иван Петрович Баранов, награждённый Георгиевским крестом 3-й степени за № 84030 лично Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем от Имени Его Императорского Величества Государя Императора....». С вручением креста, Баранов получил и чин старшего унтер-офицера.

Удержав позиции у Сморгони, закрыв собой брешь русских фронтов, Гвардейский корпус, потеряв с начала войны более половины своего состава, с 10 октября выводился в «большой резерв». Находясь в резерве, Гвардия восполнила свои полки до численности довоенного времени.

Подпрапорщик-фельдфебель Его Величества

В феврале 1916 года, Лейб-Гвардии Сапёрный батальон разворачивается в полк. Роту Его Величества возглавил капитан Б.В.Макеев – бывший поручик Л.-Г.Сапёрного батальона, выпускник Николаевского инженерного училища, один из первых курсантов Севастопольской авиашколы и впоследствии военный летчик авиационного отряда Гвардейского корпуса. Вообще, как свидетельствует командир первого батальона полка Г.С.Габаев, ещё ко времени Брусиловского наступления, за два года войны, «в этой роте и фельдфебель и все четыре взводных уже имели по четыре Георгиевских креста и по четыре медали».

Значит, была у Баранова великолепная возможность – у кого учиться героизму и с кого брать пример!

Даже находясь в резерве ставки, в то время как другие гвардейские части отдыхали и укомплектовывались, сапёры часто получали задания и вынуждены были находиться на различных фронтах. Вновь свидетельствует командир 1го батальона – инженер 1го Гвардейского корпуса Габаев Г.С.:

«Весной 1916 г., когда корпус стоял на отдыхе в районе Двинска, 2-ая сапёрная рота по заданию командующего армией генерала Куропаткина готовила материал для мостов у Ницгалья под огнем немцев. В моем присутствии поручик Кренке с тремя охотниками-сапёрами ночью, на лодке доплыли до неприятельского берега и произвели нужные промеры глубин. Лодка была жестоко обстреляна и потоплена на обратном пути, уже

около нашего берега. Все три охотника-сапёра были награждены Георгиевскими крестами...».

Рота Его Величества принимала активнейшее участие в Брусиловском наступлении и в ковельской бойне, когда в результате шести героических, но бессмысленных в тактическом плане наступлений на Ковель, русская Гвардия потеряла более половины нижних чинов и восемьдесят процентов офицерского состава. Болота реки Стоход стали огромной могилой русской Гвардии. Вот как описывает боевую работу батальона Габаев:

«В составе корпуса в 1916 г. первые бои были на Стоходе при Брусиловском наступлении. Прибыв с последним эшелоном со 2-й сапёрной ротой из Виленской губернии и добравшись до штаба корпуса, я узнал, что прорыв поручен 1-й гвардейской пехотной дивизии и наша 1-я сапёрная рота (Его величества) уже строит плацдарм для (наступления) л.-гв. Егерского полка.

Я поспешил туда. Предстояло много других работ.

Я остался в 1-й дивизии и вызвал остальные 2 сапёрные роты (2-я и 3-я) — и прожекторную роту. Это было очень кстати, т. к. вскоре приказано было строить еще плацдармы Преображенского и Финляндского полков. Туда я поставил 2-ю и 3-ю роты. Позиция была самая неподходящая для прорыва. Она вдавалась узким длинным пальцем в расположение противника, наблюдалась им с целого ряда воздушных шаров и простреливалась насквозь. Об артиллерийской подготовке нашей не могло быть и речи. Не успевали наши батареи заговорить, как над ними скрещивались немецкие аэропланы и батареи приводились к молчанию превосходящей намного артиллерией немецкой. Я немедленно донёс, командиру корпуса и начальнику инженеров армии (от авт.: инженерную подготовку фронта готовил полковник Д.Карбышев — будущий герой Советского Союза) о невыгодности, выбранной точки удара, но с этим не посчитались. За 6 дней плацдармы были выдвинуты вперед, на 300—400 шагов (от) противника и обеспечены тяжелыми блиндажами на весь состав трех атакующих полков. 15 июля все три полка были брошены в атаку. Егеря на правом и Финляндцы на левом фланге одним рывком захватили передний край неприятельской обороны. Преображенцы в центре против Рай-Места одолели с помощью заготовленных сапёрами переносных плетней болотистый Стоход, но с большими потерями (более 500 убитых) от перекрестного огня, и залегли в мёртвом пространстве у неразбитой артиллерией проволоки (ни вперед, ни назад хода им не было), перед опорным пунктом прорыва у Рай-Места.

Командир 1-й Сапёрной (Его Величества) роты (приданной мной к полку) с заготовленными заранее удлиненными подрывными снарядами — капитан Макеев с 6-ю подрывниками — поспешил вперед и взорвал проходы. Преображенцы ринулись в них и мигом завладели укреплением. По представлению Преображенского полка капитан Макеев был награжден орденом Св. Георгия, а все подрывники Георгиевскими крестами. Финляндцы уже на том берегу Стохода попали под сильный перекрестный артиллерийский огонь, потеряли почти всех офицеров и начали отходить. Командир приданной им прожекторной полуроты поручик (л.-г.Сапёрного полка) Кренке остановил и вернул их на занятые позиции. Он также был представлен к ордену Св. Георгия (но недостаточно энергично это доказали) и не получил награды.

Вечером, 15.07.16 я повел 2-ю сапёрную роту для постройки мостов на Стоходе для тяжелой артиллерии. Немцы осветили нас ракетами и прожекторами и взяли под перекрестный артиллерийский огонь. В первую ночь из-за возраставших потерь пришлось ограничиться одним мостом, а второй построить в следующую ночь.

Плацдармы и тяжелые блиндажи, построенные гвардейскими сапёрами, во много раз уменьшили потери атаковавших полков. Редкий случай совокупных действий целого сапёрного батальона был оценен командованием и 1-й дивизии, и 1-го гвардейского корпуса, и батальон был представлен к Георгиевским трубам». Как видно, Габаев не называет фамилии охотников-подрывников, но вполне можно предположить, что одним из них г был И.П.Баранов. Именно в этот период Баранов представлен к Георгиевскому кресту 2й степени, который был вручен ему в ноябре-декабре 1916г. за №35105. После награждения Баранов числится уже фельдфебелем – старшиной роты.

Награждение Баранова И.П. Георгиевским крестом 1й степени относится к периоду боевых действий в конце 1916 – феврале 1917 года. В это время 1й батальон нес напряженную работу в позиционной войне на Владимиро-Волынском направлении и особенно в районе Шеньвов—Бубново—Корытница (август 1916—февраль 1917), где русские линии подошли вплотную к немецким, и велись даже сапные взрывные работы. К сожалению, в РГВА не удалось обнаружить документы, подтверждающие номер последнего креста, полученного Барановым. Просматривались только фонды Сапёрного батальона(полка). И как говорилось выше, если представление к награде подавалось другим войсковым соединением (тому, к которому был прикомандирован Баранов), то приказ о награде просто не попал в фонд Сапёрного батальона. Но погоны подпрапорщика с широким продольным галуном и фельдфебельские лычки, - всё это не оставляет сомнения, что будучи фельдфебелем, И.П.Баранов, получил Георгиевский крест 1й степени и, как предписывал статут Ордена, автоматически был произведен в подпрапорщики, продолжая исполнять должность фельдфебеля. Полный Георгиевский бант крестов гарантировал пожизненную прибавку к жалованию в 120 рублей, золотую шейную медаль при выходе в отставку, поступление без испытаний в любое офицерское училище.

Что помешало Баранову пройти трехмесячную подготовку и получить положенный чин прапорщика? Вероятно, только постоянное нахождение его на фронте в действующих войсках и участие в боевых действиях.

В 1917 году И.П.Баранов, полным Георгиевским кавалером прибыл в Нижнюю Туру. В это время и было сделано Лагуновым Н.Ф. его фото.

Но нижнетурицы не долго видели героя Великой войны дома.

Баранов вновь возвращается в действующую армию.

В полках хозяйничали уже полковые комитеты. Командир Л-Г.Саперного полка полковник Рыдзевский Н.Г., человек храбрый и передовой был смещен. Исполняющим обязанности, а затем командиром полка избран Г.С.Габаев, также человек незаурядный, имевший большую популярность у нижних чинов. В июне 1917 года шесть из восьми полков 1го Гвардейского корпуса снялись и ушли в тыл, отказавшись наступать. Гвардейская 1я рота 1го батальона – бывшая Рота Его Величества, единственная рота батальона, поддержавшая и вышедшая в наступление с чехословаками 18 июня 1917года в условиях развалившегося фронта, была переименована в «Роту 18 июня». Сапёры, в составе пятого армейского корпуса находились на фронте и во время катастрофического Тарнопольского отхода 08.07.1917 г. 11.07.1917 года, когда шесть гвардейских полков вернулись в строй, Сапёрный полк вновь вошел в Гвардейский корпус.

Затем полк укреплял позиции у Збарафа (июль) и в районе Скалат-Гржималув (август—декабрь 1917).

1.12.1917г. были проведены в корпусе и в полку отмена чинов, орденов, погон и введено выборное начало. Но полк оставался на фронте в полном порядке. Корпусный комитет поэтому доверил ротам полка охрану железнодорожных станций от Подволочиска до Проскурова. Согласно предписаниям командования и корпусного комитета, началось увольнение в запас по срокам службы. А к 1.04.1918 года закончилась работа ликвидационной комиссии и 105-летнее существование Л.-Г. Саперного полка.

После 1918

Период 1918-1922 года в судьбе нашего земляка остался неизвестен. Что случилось дальше, как воспринял октябрьскую революцию и где находился георгиевский кавалер, сказать трудно. В Нижней Туре говорили, что «воевал на Гражданской». Судя по тому, что Иван Петрович всю жизнь не подвергся репрессиям и не боялся делать весьма смелые и независимые заявления, можно предположить, что заслуги перед Советами у него были.

Но в списках местных советских учреждений того периода, красных партизан-нижнетуринцев и красногвардейцев Баранов не значится. Более того, - нет его даже и в 1922 году в списке домохозяев, проживающих в Нижней Туре. И после захвата Нижней Туры войсками Колчака, фамилия Баранова нигде не упоминается – ни в списках восстановленных (белых) волостных управ, ни в списках 16го Ишимского полка.

Нет смысла строить предположения, не имея на этот счет документальных подтверждений.

Но возможно ответ на вопрос содержится в тех же воспоминаниях Г.Габаева. Он пишет, что после ликвидации полка «...оставшимся несколькими десяткам гвардейских сапёр не было разрешено ехать с Украины в Петроград организованно. Мы выехали одиночным порядком в Киев, где консульство РСФСР озаботилось нашей отправкой из Украины в Россию... Самое же горькое было то, что мне, фанатику и составителю истории гвардейских сапёр, имевшему печальную честь быть их последним командиром и отдавшему 13 месяцев невероятных усилий за сохранение полка, пришлось подписать последний приказ 1.04.1918 г. о его расформировании и вернуться в Петроград не как мои предшественники — триумфаторами во главе гвардейских сапёр после побед 1828, 1831 и 1877 гг., — а одному в телячьем вагоне».

Значит всё-таки – Петроград. И в этих «нескольких десятках», что оставались при Габаеве, мог быть и И.Баранов. Ведь как фельдфебель, он просто обязан был находиться в полку при командирах, до сдачи имущественных ведомостей и окончания работы ликвидационной комиссии, до самого расформирования полка.

Известно, что в Петрограде бывший командир Сапёрного полка был назначен помощником начальника 21 Военно-полевого строительства.

Г.С.Габаев вспоминает: «Во время наступления Юденича я замещал заболевшего начальника строительства тов. Иванова (тоже бывшего инженер-ген.-майора). На окопах моего строительства у Стрельны и Пулкова было остановлено наступление Юденича. Я был повышен в начальники строительства 13.09.1919. Комиссары строительства тт. Ольбрей, Мольденгауер, Сыманков ценили мою работу и поддерживали...».

Не на строительстве ли петроградских укреплений, где руководил бывший командир сапёр и «царские» военные инженеры, принимал деятельное участие.

Баранов И.П.? Не там ли он «воевал на Гражданской»?

Здесь же в Петрограде, с 1918 года служил и ротный Баранова – Макеев Б.В., принятый на одну из должностей в РРКВВФ.

Необходимо отметить, что многие сапёры вступили в Добровольческую армию А.Деникина, сформировав Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон. После 1920 года гвардейцы-сапёры – те, кто не принял власть Советов – в эмиграции.

С момента возвращения Баранова И.П. в Нижнюю Туру в 1923-24гг., только те, кто помнил его в 1917г. (а таких оставалось уже и тогда не так много) знали его, как Георгиевского кавалера.

Рассказывает дочь кавалера:

«Нет, папа кресты никогда не носил и нам о них не рассказывал. А кресты у нас дома в сундуке, с другими вещами лежали. Вот, иногда, как мама с папой уйдут из дома куда-нибудь – мы, девчонки, достанем кресты-то, прицепим на грудь и на дворе, да на улице бегаем...»

А вот ещё помню... Книга у нас в доме была - Императорский Дом Романовых, князя, генералы, – все портреты. Папа нет-нет, да и возьмет книгу, медленно задумчиво листает: «Вот, этого я знал... Этого не раз видел... А с этим лично знаком был... И с этим...».

Георгиевского кавалера Шубина Ивана Григорьевича видели с крестами на груди и в 60х, и в 70х годах. Бывший красный командир не скрывал своих наград за Первую мировую войну. Рассказывал о войне.

Другое дело – Иван Петрович Баранов. Сапёр Его Величества – другой уровень. Нет, он не боялся. Просто следовал народной мудрости: «Не буди лихо...». Ведь на вопросы нужно говорить правду. А кому нужна была такая правда в то время? Молчал о своем друге и Шубин, который как лучший друг не мог не знать, как нес службу в Зимнем дворце Иван Петрович, сколько раз видел он Николая II, как получал от имени Императора и из рук Великого Князя крест. И как держал оборону у Тарнополя в 1917 году «несознательный», верный присяге гвардеец Баранов, в то время, когда «сознательные», бежали с фронта целыми полками и митинговали в тылу.

В 1945 году И.П.Баранову пришлось вновь послужить Отечеству. Где-то «наверху» вспомнили о военном инженерере-строителе, и в июле, пятидесятичетырехлетний «сапёр Его Величества» был призван в войска, в Забайкалье.

Уже в 1946 году Баранов вернулся в Нижнюю Туру в звании майора. Так спустя тридцать лет восторжествовала справедливость. Не зря полный георгиевский кавалер представлялся к званию прапорщика. И вот бывший гвардеец подтвердил свои знания и опыт и получил звание армейского офицера уже Советской армии, как и полагалось – на два чина выше.

В 1931 году арестован и приговорен к 10 годам Соловецких лагерей Георгий Габаев, последний командир гвардейского Сапёрного полка, замечательный архивист-писатель и историк Русской армии, летописец инженерных войск России.

В 1937 году расстрелян Борис Макеев, командир Роты Его Величества, один из первых гвардейских авиаторов, начальник Севастопольской авиашколы, старший консультант и заместитель начальника сектора перспективного планирования Главного управления ГВФ.

А в марте 1966 года, в Нижней Туре умер старшина – фельдфебель, сапёр Роты Его Величества Иван Петрович Баранов, полный Георгиевский кавалер.

На два года пережил его последний председатель Объединения лейб- гвардии Сапёрного полка в эмиграции, капитан Роман Чайковский. Он умер в 1968 году в Париже.

Заключение

Умирая, человек не оставляет ничего после себя кроме памяти о себе. Память – есть свойство исключительно человеческого. Животные не помнят своих предков, своих умерших сородичей.

Память же о таком человеке как И.П.Баранов, принадлежит не только его родным и близким. Она принадлежит и всем нижнетуридцам, ибо главное богатство, гордость и честь любого села, любого города – люди которые здесь не только живут, но и жили раньше. И нет больше чести для живущих, как умение хранить память о своих героях. В традициях офицеров старой русской Гвардии, при награждении солдата Георгиевским крестом 1й степени было желать герою заслужить крест деревянный. Это не воспринималось как обида. Так воспитывали в гвардейских полках – нет больше чести, чем пасть в бою за Отечество и получить высшую награду - крест деревянный на могилу, в назидание потомкам для памяти.

Но нет – ни Креста и ни Памяти.

Долго ли будем уподобляться животным?

Источник-"Уральский следопыт" №9 в 2011